

В.В. Розанов

Теперь и прежде

По изданию: Собрание сочинений под общей редакцией А.Н. Николюкина. Религия и культура. Том 26. Москва, 2008 г.

Впервые опубликовано в газете «Русское Слово» № 55 и № 58, 1896 г. под заглавием «Иллюстрация к историческому осуществлению принципов веры и свободы».

I

Два факта, разделенные более нежели двумя тысячелетиями, служат равно характерным выражением двух эпох, двух культур, и их сопоставление не лишено самого серьезного интереса и величайшей многозначительности. Первый относится к нашим дням и принесен "Письмом из Парижа" г. Яковлева ("Русское Обозрение", 1898 г., январь); второй — второй всегда был известен внимательным, полузабыт толпой, но получает необыкновенную силу и яркость из сопоставления с тем первым фактом. Мы приведем их оба, не прибавляя ни одной черты от себя.

"...В 1881 году в Париже разбирался процесс, очень обыденный и который обратил на себя внимание только благодаря имени одного из его участников. Доктор Каброль, бывший лейб-медик фельд-маршала С. Арно, обвинялся в том, что за деньги произвел выкидыш у молодой девушки Габриэль Берто, результатом чего была смерть последней. Габриэль была дочь певицы из кафешантана... Мать сделала невероятные и поистине трагические усилия, чтобы избавить Габриэль от того омута, в котором сама провела жизнь. Она ревниво оберегала ее от своих знакомых, скрывала от нее свою профессию и поместила в дорогой пансион, чтобы ее пригостили к учительской должности. Оказалось, однако, что такая деятельность была для Габриэль слишком серьезной. Тогда мать отдала ее в науку к одной почтенной модистке, поставив непременно условием,

чтобы Габриэль спала в одной комнате с матроной. И она действительно спала. Но это не помешало бедной девочке — ей было 16 лет — в скором времени забеременеть. Через одну свою подругу Габриэль познакомилась с молодым и богатым коммерсантом Дюкроком, у которого имелся рояль. Габриэль стала ходить к нему играть, и роман быстро разыгрался. Когда девушка узнала, что должна сделать матерью, она стала волноваться, искать способов отделаться от нежеланного плода. Дюрок со своей стороны сам того желал и предложил свезти девушку к доктору, который считался большим виртуозом по этой части¹.

В назначенный день карета Дюкрока остановилась перед квартирой доктора. Молодой человек без обиняков объяснил ему цель визита. Сторговались за сто франков, и доктор тотчас же приступил к операции. "В этот вечер молодые праздновали, — как выразился прокурор, — свою победу над природой"², но на другой день Габриэль слегла и уже больше не вставала.

При первом известии о болезни дочери мать приехала немедленно в Париж и тут только узнала подробности всей истории. Прежде всего она поместила Габриэль в больницу, затем отправилась к Дюкроку.

Молодой коммерсант принял ее дерзко и насмешливо. Сначала он даже не мог припомнить, о какой девушке шла речь, но потом вспомнил, что "такую девушку встречал на тротуарах".

— Вы пойдете на скамью подсудимых, господин соблазнитель, — вскричала бедная певица, — если будете отмалчиваться и не женитесь на моей дочери.

— Жениться? — отвечал Дюрок — Что скажет коммерческая палата?

— Ничего, вы не герцог Омальский.

¹ На медицинских факультетах, как за границей, так и у нас, открыто преподается преступное искусство вытравливать плод женский, — и столь же открыто это "высокое искусство" излагается в курсах акушерства. Мотивируется, т.е. прикрывается, это изложение тем соображением, что "бывают случаи (неправильность в устройстве женского таза), когда нормальное разрешение от бремени невозможно для рожениц и удобнее произвести всё равно неизбежный выкидыш преждевременно (обычно на третьем месяце беременности) и искусственно". Конечно, искусство, которое нужно Красовскому и Славянскому и ими в редчайших случаях применяется, — не нужно и применяется в преступных целях сотнями "Ивановых" и "Петровых". Следовало бы по крайней мере с кафедры и печатно не учить преступному.

² Характерно чрезвычайно это красноречие прокурора. Ясно, что в понятиях, в чувствах, в целой психике, между судимым Дюкроком и его судьями не было, в сущности, разграничивающей черты.

— Tenez!¹ Возьмите деньги, я устрою Габриэль. Так лучше будет.

— Нет, мне не надо денег, я хочу спасти жизнь и честь моей дочери. Женитесь, или вы пойдете под суд ассизов.

Дюкрок предпочел сесть на скамью подсудимых. Он знал, говорил он, что все честные люди будут за него...

И он не ошибся.

Во всё время суда доктор и его соучастник продолжали быть предметом дифирамбов множества газет всех оттенков. Их имена произносились в печати не иначе, как с прибавлением "почтенный, симпатичный, заслуженный". Что подсудимые были оправданы — нечего и говорить. Но вот что было после суда "Третьего дня", — писали в "Expresse", — "толпа человек во сто ожидала его, Дюкрока, на улице: его обнимали, ему бросали букеты, незнакомые люди подавали ему свои визитные карточки, почтенные женщины (des dames respectables) плясали от радости или плакали. Он же, при первой возможности, ускользнул от этой овации, желая отдохнуть. Сегодня он проводит день в приеме посетителей, в чтении газет. Завтра он возвратится к делам".

Та же радикальная газета познакомила нас со внутренним состоянием своего героя. На другой день после процесса она отправила к нему своего сотрудника Поля Алексиса, известного романиста натуралистической школы, друга и ученика Зола. Вот как он передавал в этой газете свой разговор с Дюкроком:

"Это — интересный молодой человек, в кресле перед камином, с сигарой в зубах". — Поль Алексис смотрел через его плечо на роль, на котором еще так недавно играла Габриэль.

Дюкрок: "Мои пять месяцев тюрьмы прошли и очень медленно, и очень скоро; странно, что я никогда не скучал. Камера моя была очень удобна. Мне очень долго не давали даже носового платка — из страха, чтобы я не повесился. Мой арест мне показался сном до той самой минуты, пока меня заперли в камере. И эта минута была самой тяжелой во всей моей Одиссее. Мое выражение: "Чту скажет коммерческая палата" — показалось публике неудобным. Но она была не права: то был крик, идущий из сердца коммерсанта, потому что я верую в коммерцию, как вы верите в литературу... Что касается ответа матери Габриэли: "Вы — не герцог Омальский", соз-

¹ Возьмите! (*фр.*)

наюсь, он оригинален и красив. Но эта дама всё-таки скверная женщина, она была причиной моего несчастья и особенно своей дочери. Не будь ее — если б Габриэль, оставшись в живых, была сиротой и оказалась хорошей матерью — кто знает! — может быть, я когда-нибудь и женился бы на ней".

— Так, — прибавляет от себя Поль Алексис, — говорит этот человек, еще молодой, но уже перенесший тяжелое испытание; он ни на минуту не перестает быть благоразумным, умеренным и покорным своей судьбе и не обвиняет ни Бога, ни судьбу, ни общество ("Русское Обозрение", 1896, январь, 440—441 стр.).

Ну уж конечно, "ni Dieu, ni la société"¹...

И ни одного даже простого воспоминания о зарытом в землю трупе, почти о девочке еще, над которой доктор хлопотал с иглой; ни даже тени сознания о себе...

Спящий в гробе — мирно спи,
Жизнью пользуйся живущий!

Чтобы понять что-нибудь в *des dames respectables*, без сомнения, взрослых и, быть может, даже стареющих матерях семейств и взрослых сыновей, приведем из того же "Парижского письма" отрывок, предшествующий этому рассказу:

"Французское общество отлично понимает экономическую выгоду для себя женской проституции и поэтому без всяких стеснений часто философствует устами своих публицистов на тему о морализующем влиянии последней на семью, — что если б-де не было проституции, то инстинкты, "находящие себе исход в ней, направились бы на развращение семьи". Поэтому же дирижирующая буржуазия смотрит сквозь пальцы на увеличение проституции как на явление будто бы неизбежное, и все силы ее, в этом отношении, направлены на то, чтобы сделать ее безвредной в медицинском смысле (как, впрочем, и у нас). На разврат сына буржуа смотрит всегда благосклонно, лишь бы это делалось без увлечения и с расчетом, — и так, чтобы сынок не вступал ни в какие обязательства относительно будущего".

¹ "ни Бога, ни общества" (фр.)

Невольно вспомнишь и исторически применишь слова Давида о "нужном и верном рабе" своем Иоаве, сказанные после предательского умерщвления им Авенира: "О, да никогда дом Иоава не останется без семеноточивого, или прокаженного, или опирающегося на посох, или падающего от меча, или нуждающегося в хлебе" (Вт. Кн. Царств, III, 29). применишь и скажешь об этом обществе растленных: "Да никогда не останутся они без семеноточивых или падающих на меч..." Да это уже и есть — Бог это и делает им.

Во всяком случае, не только факт приведенный, но и вся житейская обстановка, на фоне которой он возник, характеризуется отсутствием какой-либо веры, веры во что-либо определенное, если за нее не принимать "веру в коммерцию", не менее твердую, но и не более содержательную, чем вера шантажирующего¹ Поля Алексиса "в литературу". Мы говорим о вере идеальной, не непременно религиозной, но хотя бы политической. Собственно, кафешантанная певича есть единственная светлая точка на этом сальном пятне, которое почему-то считает себя цивилизацией: среди всего и всех здесь фигурирующего и фигурирующих — прессы, суда, *des dames respectables* — эта бедная кафешантанная певича одна "в своем праве". Но у ней нет меча, чтобы защитить это право, он — у государства и направлен против нее; она не может сослаться на какой-нибудь определенный, всеми одинаково признанный, для всех идеально обязательный закон. Даже к Богу... но она, вероятно, не верит в Него. Она — самка, такая же в духовном смысле бездомная, как и те *respectables*: несколько лучше одетая, несколько хуже других; она воеет, ей больно; она скулит над закопанным в землю щенком своим, и ничто ей не отвечает среди этого "естественного" стада, которым стало человеческое общество на исходе двух почти тысячелетий своей цивилизации.

II

"Другой факт совершился более чем две тысячи лет назад, и мы приведем его также дословно, ничего не изменяя в историческом памятнике.

В Вавилоне жил муж, по имени Иоаким. И взял он жену, по имени Сусанну, дочь Хелкия, — прекрасную собой и богобоязненную. Родители ее были праведные и научили дочь свою закону...

¹ Насколько помнится, Поль Алексис бежал в 1895 году в Америку, когда вместе со множеством других "писателей" ему грозили тюрьма и суд по обвинению в обыкновенном, при помощи печати, мошенничестве (вымогание денег у коммерсантов).

Иоаким был очень богат; близ дома был у него сад; и собирались к нему иудеи, потому что он был между всеми почтеннейший.

И были в этом году поставлены из народа два старца судьями — из тех, что сказал о них Господь: беззаконие вышло из Вавилона от старейшин-судей, которые казались управляющими народом. Старейшины эти бывали постоянно в доме Иоакима; и приходили к ним все, имевшие спорные дела.

Когда, около полудня, народ расходился — Сусанна уходила в сад свой для прогулки. И видали ее оба старейшины всякий день прогуливающейся; и в них родилось к ней желание. И извратили они ум свой, и уклонили глаза свои, чтобы не смотреть на небо и не вспоминать о праведных судах.

Были они оба уязвлены желанием к ней, но друг другу боли своей не открывали, потому что стыдились высказать тайное желание свое — иметь с ней соединение. И они прилежно сторожили каждый день, чтобы видеть ее, и говорили друг другу: "Пойдем домой, потому что час обеда", и, вышедши, расходились друг от друга. И, возвратившись, приходили на то же самое место, и когда допытывались друг у друга о причине того — признались наконец в похоти своей; и тогда назначили вместе время, когда могли бы застать ее одну.

И было — когда они выжидали удобного дня. Сусанна вышла, как вчера и третьего дня, с двумя только служанками и захотела мыться в саду, потому что было жарко. Не было там никого, кроме двух старейшин, которые спрятались и сторожили ее. И сказала она служанкам: "Принесите мне масла и мыла и закройте двери сада, чтобы мне помыться".

Они так и сделали, как она сказала: заперли двери сада и вышли боковыми дверями, чтобы принести, что было приказано им, и не видали старейшин, так как те спрятались.

И вот, когда служанки вышли, встали оба старейшины и, подбежав к ней, сказали: "Двери заперты, никто нас не видит; у нас есть похоть к тебе — не отказывай нам, побудь с нами. Если же не так, то мы засвидетельствуем против тебя, что с тобой был юноша — и ты поэтому отослала от себя служанок твоих".

Тогда застонала Сусанна и сказала: "Тесно мне отовсюду; ибо если я сделаю это — смерть мне; а если не сделаю — то не избегну от рук ваших. Лучше для меня не сделать этого и впасть в руки ваши, нежели согрешить перед Господом". И закричала Сусанна громким голосом, закричали также и оба старейшины против нее: а один, побежав, отворил двери сада.

Когда же находившиеся в доме услышали крик в саду, — выскочили боковыми дверями, чтобы видеть, что случилось. И когда старейшины сказали слова свои, то слуги чрезвычайно были пристыжены: никогда ничего такого о Сусанне говорено не было.

И было на другой день — когда собрался народ к Иоакиму, мужу ее, пришли и оба старейшины, полные беззаконного умысла против Сусанны, чтобы предать ее смерти. И сказали они народу: "Пошлите за Сусанной, дочерью Хелкия, женой Иоакима", — и послали. И пришла она, и родители ее, и дети ее, и все родственники ее.

Сусанна была очень нежна и красива лицом; и эти беззаконники приказали открыть лицо ее, так как оно было закрыто, чтобы насытиться красотой ее. Родственники же и все, которые смотрели на нее, плакали.

А оба старейшины, вставши посреди народа, положили руки на голову ее. Она же в слезах смотрела на небо, ибо сердце ее уповало на Господа.

И сказали старейшины: "Когда мы ходили по саду одни, вошла эта с двумя служанками, и затворила двери сада, и отослала слуганок. И пришел к ней юноша, который скрывался там, и лег с ней. Мы, находясь в углу сада и видя такое беззаконие, побежали на них и увидели их соединенными, но не могли удержать его, так как он был сильнее нас, и, отворив дверь — выскочил. Но ее мы схватили и стали допрашивать: кто был этот юноша? Но она отказалась объявить нам. Об этом мы свидетельствуем".

И поверило им собрание, как старейшинам народа и судьям, — и осудили ее на смерть.

Возопила Сусанна громким голосом и сказала: "Боже вечный, ведающий сокровенное и знающий всё прежде бытия его! Ты знаешь, что они ложно свидетельствовали против меня, и вот я умираю, не сделав ничего, что эти люди злостно выдумали на меня".

И услышал Господь голос ее.

И когда она ведена была на смерть, возбудил Бог Святый Дух молодого юношу, по имени Даниила. И он закричал громким голосом: "Чист я от крови ее!"

Тогда обратился к нему весь народ и сказал: "Что это за слово, которое ты сказал?"

Тогда он, став посреди них, сказал: "Так ли вы неразумны, сыны Израиля, что, не исследовав и не узнав истины, осудили дочь Израиля? Возвратитесь в суд, ибо эти ложно против нее засвидетельствовали".

И тотчас весь народ возвратился. Старейшины сказали ему:

"Садись посреди нас и объяви нам, потому что Бог дал тебе старейшинство".

И сказал Даниил к народу: "Отделите их друг от друга подальше, и я допрошу их". Когда же они были отделены один от другого, призвал он одного из них и сказал ему: "Состаревшийся в злых днях! Ныне обнаружались грехи твои, которые ты делал прежде, производя суды неправедны, осуждая невинных и оправдывая виновных, тогда как Господь говорит: "Невинного и правого не умерщвляй". Итак, если ты ее видел — скажи, под каким деревом видел ты их разговаривающими друг с другом?" Он сказал: "Под мастиковым".

Даниил сказал: "Точно солгал ты на свою голову; ибо вот Ангел Божий, приняв решение от Бога, рассечет тебя пополам". И удалив его, он приказал привести другого старейшину и сказал ему: "Племя Ханаана, а не Иуды! Красота прельстила тебя, и похоть развратила сердце твое. Так поступали вы с дочерьми Израиля, и они из страха имели общение с вами, но дочь Иуды не потерпела беззакония вашего. Итак, скажи мне: под каким деревом ты застал их разговаривающими между собой?" Он ответил: "Под зеленым дубом".

Даниил сказал ему: "Точно солгал ты на свою голову; ибо Ангел Божий с мечом ждет, чтобы рассечь тебя пополам, чтобы истребить вас".

Тогда все собрание закричало громким голосом и благословило Бога, спасающего надеющихся на Него. И восстали на обоих старейшин, потому что Даниил их устами обличил их, что они ложно свидетельствовали. И поступили с ними так, как они зло умыслили против ближнего, — по закону Моисееву¹, и умертвили их. И спасена была в тот день кровь невинная.

Хелкия же и жена его прославили Бога за дочь свою Сусанну с Иоакимом, мужем ее, и со всеми родственниками, потому что не найдено было на ней постыдного дела. И Даниил стал велик перед народом — с того дня и потом" (Книга пророка Даниила, XIII).

И была радость в тот день; и радуемся мы, читая о том дне, — вот уже спустя 2¹/₂ тысячелетия. И чувство гнусности от наших дней сильнее объемлет душу при чтении святых строк.

Даже если бы прекрасная Сусанна умерла, даже если бы Бог не ус-

¹ "Если свидетель ложно донес на брата своего, то сделайте ему то, что он умышлял сделать брату своему" (Второзаконие, XIX, 18—19).

лышал "надеющуюся на Него" (однако мы веруем, что Он и всегда таковых слышит) — можно ли ее святую кончину, можно ли ужас ее родителей и мужа, гнев разъяренной против проступка толпы народной, весь этот всплеск бурно текущих и святых чувств сравнить с гнусной слизью, которую растирая между пальцами — мы ничего не слышим на ощупь, и поднеся к носу — замечаем, что она пахнет; и что, однако, при ближайшем поднесении к глазу, к удивлению нашему, кричит: "Я — человек, подайте мне человеческие права!" И наконец, когда Дюкрок отвечает матери погубленной им девушки: "Да... встречал на тротуарах", почему его не побить камнями? Когда он же говорил: "Соглашайся, что это остроумно", почему его вторично не побить? Ведь он же, или акушер с ним вместе — "побили", и совершенно "невинную"? побили даже двух, потому что нельзя забывать о кафешантанной певице? Ведь "побиения" же совершаются на наших глазах, мы их уже допускаем, и допускаем не для охраны божеского или высокочеловеческого, а всего только для насыщения панталонной стороны своей природы?

Я не говорю о невинной, в сущности, девушке-ребенке; нет вины смертной на ней и по закону Ветхому¹, как не осудил бы ее и Спаситель. Я говорю о Дюкроке, о всех подробностях, среди которых он действовал, о целом комплексе явлений и условий жизненных. Я говорю о цивилизации — чем она стала без веры и без законов иных над собой, чем отвечающие ее комфорту.

В. Розанов

Сканирование, распознавание, вычитка и оформление выполнены коллективом сайта <http://varvarin.ru>

¹ "А отроковице (соблазненной) ничего не делать, на отроковице нет преступления смертного" (Второзаконие, XXII, 26). "Она пусть будет женой соблазнившего, потому что он опорочил её: во всю жизнь свою он не может развестись с ней" (там же, стих 29). Замечательно, что мать Габриэли, без сомнения не зная ничего о Второзаконии, требовала, в сущности, его применения.